

Люди добрые, помните!...

В этом году страна отметила 65-летие Победы советского народа над фашизмом. Хотел написать: «весь мир отметил», и задумался. Весь ли? Не весь, даже бывшие советские республики, а ныне независимые государства, чьи народы воевали на фронтах Великой Отечественной войны, сегодня относятся к этому празднику по-разному. Грузинские власти, например, отличились тем, что накануне юбилейного года взорвали Мемориал славы в Кутаиси.

До этого у всех на слуху была эпопея со сносом памятника советскому воину в Таллине, где только благодаря многочисленным протестам общественности удалось сохранить Бронзового солдата. Власти согласились перенести монумент из центра эстонской столицы в менее людное место. В Латвии также культивируют своеобразное отношение к побежденному гитлеризму. Там героями-освободителями и ветеранами 2-й мировой войны считаются вояки из дивизии СС. Они ежегодно в день создания дивизии совершают марш по улицам Риги. И в то же время в Латвии судят тех, кто боролся с нацистами и их прислужниками-полицаями. К сожалению, есть попытки провести ревизию истории и в Беларуси.

Конечно, речь не об официальной позиции властей и не о новой концепции отечественной истории. Но и в нашей стране нет-нет да и появится какой-нибудь «публицист», пытающийся найти свою «правду» о той войне, а на деле очернить то, что свято для миллионов людей. В памяти многих недавнее пикетирование ветеранами Великой Отечественной войны редакции одной оппозиционной газеты, которая опубликовала воспоминания о войне человека, который в годы фашистской оккупации, будучи ребенком, жил в деревне Небышино ныне Докшицкого, а тогда Бегомльского района Витебской области. Лейтмотивом этой публикации звучит простая мысль: если бы не зловерные партизаны, то немцы никого бы и не трогали, не было бы в Беларуси ни Хатыни, ни Дальвы, ни Шуневки и еще более шести сотен деревень, сожженных вместе с жителями. Автор «мемуаров» И. Копыл добрым словом отзывается о немецких

солдатах, которые угощали детей шоколадом, а ему даже подарили губную гармошку. Вспоминает, какими обходительными были «власовцы». При этом все плохое, что происходило в деревне в годы войны, он относит на счет партизан и немного – полицаев.

Что же, И. Копыл тут не первопроходец. Есть в нашей стране литераторы, которые договорились до того, что в Беларуси вообще не было партизан. А были бандиты, которые отсиживались в лесу, грабили и уничтожали мирное население, жгли деревни и т. д. и т. п.

Не хотелось бы вступать в полемику с подобными авторами, но во всех этих самотужных попытках «поиска исторической правды» явно просматривается вольное или невольное желание конкретных людей переписать историю Великой Отечественной войны, обелить палачей и убийц и переложить их вину за совершенные преступления на безвинных жертв и на тех, кто сражался за свободу и независимость своей Родины.

СЛОВО НАРОДА

Константин Симонов писал: «Всю правду о войне знает только народ». Народу и предоставим слово.

И чтобы услышать это слово, мы начали с того, что поехали в Докшицкий район, который в годы Великой Отечественной войны входил в Борисовско-Бегомльскую партизанскую зону, а столицей этого довольно обширного региона считался Бегомль, который партизаны отбили у немцев в декабре 1942 года.

С военной поры в Бегомле сохранилось только несколько кирпичных зданий, остальные – новострой на месте сожженных и разрушенных оккупантами домов. В одном из старых зданий – красивом двухэтажном доме – располагается Бегомльский музей народной славы, которому в этом году исполнилось 40 лет со дня создания.

После почти часовой экскурсии по залам музея я задал его работникам вопрос, который их несколько озадачил: «А были ли в здешних краях партизаны?»

– Что значит, были ли? – переспросила директор музея Алла Королевич. Видимо, она решила, что столичный журналист немного перегрелся на летней жаре. И я напомнил о «воспоминаниях» Копыла.

– Мы читали эти записки. Они просто оскорбительны для нас. Как такое можно писать? Во-первых, в Бегомле действовала подпольная группа, членов которой немцы арестовали и жестоко с ними расправились. Еще несколько подпольных групп действовали и в других населенных пунктах. Большинство подпольщиков немцы тоже уничтожили. Во-вторых, в Борисовско-Бегомльской зоне с врагом воевали несколько партизанских отрядов и бригад. В декабре 1942 года партизаны бригады «Железняк» заставили оккупантов уйти из Бегомля, который стал столицей партизанской зоны. Немцы постоянно пытались восстановить свой контроль над поселком и в результате нескольких карательных экспедиций фактически полностью его уничтожили.

Как же можно говорить о доброте немцев, когда они сжигали целые деревни вместе с людьми. Мол, виноваты партизаны, которые обстреляли немцев на дороге у этой деревни. Так и ловите этих партизан, причем тут мирные люди – женщины, дети, старики? Это же логика людоедов.

Какие партизаны были в районе в августе – октябре 1941 года? А, тем не менее, гитлеровцы уничтожили всех евреев, которые жили в Бегомле и окрестных деревнях.

– Кстати, есть еще один автор, житель Бегомля К. Гайдук, который пишет о притеснении партизанами местного населения. Он утверждает, что в годы войны работал в партизанском госпитале.

– Много лет работаю в музее, но нам об этом ничего не известно. Нет никаких документов и никаких свидетельств партизан. Еще жива Антонина Константиновна Таракан – медсестра партизанского госпиталя, можете у нее спросить. И ветераном войны он не является. В 1941 году ему не было и 10 лет, какой из него партизан? Странно,

Директор
Бегомльского
музея народной
славы Алла Коро-
левич и научный
сотрудник Лариса
Ушкевич

что он раньше об этом не говорил, когда были живы ветераны-партизаны и фронтовики.

– А как местные жители относились к партизанам?

– Как они могли к ним относиться, если большинство партизан были свои – мужья, братья, сыновья? Мой отец был в партизанах, до сих пор носит пулю в ноге. Благодаря «добрым» фашистам, которые сожгли 22 июня 1943 года три деревни со всеми жителями, в том числе и Клинники, у меня не осталось ни одной тети, ни одного дяди, ни бабушки, ни дедушки. Моя мама ребенком осталась сиротой, и отец чудом остался жив. Он пришел из отряда домой, а

тут немцы окружили деревню. Немцы убили его мать и подожгли дом. Папа успел спрятаться на чердаке, а потом выскочить из горящего дома.

После посещения музея мы не преминули воспользоваться советом Аллы Владимировны и встретились с А.К. Таракан – бывшей санитаркой партизанского госпиталя, которая рассказала о том, как во время немецкой блокады они в подземном госпитале спасали от оккупантов раненых:

– Я родом из Пустоселья, родилась в 1926 году. В нашей семье было семь детей. Во время блокады вся деревня пряталась в лесу, и мы прятались, боялись, что немцы нас угонят в Германию. Один раз, когда меня не было в лесном лагере, нагрянули немцы и всех куда-то угнали. Мы вдвоем с подружками пошли на Березино и встретили Василия Шпака – комиссара 5-го отряда бригады «Железняк». Он нас забрал в отряд. Мы вначале работали на

кухне, а потом дня через три нас перевели в госпиталь в Савском Бору. В госпитале было три палаты – для раненых, тифозных и выздоравливающих. Я работала санитаркой вместе с Лидой Балбуковой в палате для раненых. При госпитале были кухня и баня. Мы поддерживали порядок в землянках, топили печки, стирали бинты, которых не хватало, делали перевязки раненым. Сутки дежуришь, сутки отдыхаешь. А в последнюю блокаду думали, что не выживем, так немцы нас обложили. Но командование придумало сделать подземный схрон, на холме выкопали две землянки, в метрах трехстах одна от другой. В одну землянку поместили 11 раненых партизан, в другую – 28 тифозных больных. Сделали лаз, сверху замаскировали мхом и оставили нас. Мы с Лидой Балбуковой и Лидой Родион были в землянке с ранеными, а с тифозными остались Наташа Кульба, моя двоюродная сестра Луцейка Передня, фельдшер Фрося Грибоедова с маленькой дочушкой и еще одна медсестра, фамилию которой я не помню. Вот и весь медперсонал госпиталя. И в этих землянках мы прятались 18 суток. Питались всухомятку – сухарями, домашней колбасой и салом. Чтобы брать воду – прямо в землянке вырыли колодцы, а вместо туалета – ведро. Сразу появилась проблема с воздухом, мы начали задыхаться. И хотя боялись, что немцы могут нас обнаружить, все же взяли и костью чуть-чуть приподняли верхний лаз. Землянки сделали низкие, встать было невозможно, только сидеть, и передвигались на четвереньках. Под конец блокады в колодце пропала вода, отчего все сильно мучились.

Рядом с землянкой в метрах трехстах была дорога на Синичино, но нас так хорошо замаскировали, что немцы госпиталь не обнаружили. Потом наши подруги из второй землянки говорили, что слышали, как немцы разговаривали между собой, но мы не слышали, зато слышали звуки боя на озере Палик. Всего через этот участок леса за время блокады прошло 11 цепей немцев.

Освобождение пришло неожиданно. На 19-е сутки к нам пришел комиссар 8-го отряда Селюк и сказал, что блокада кончилась. Но мы еще в этих землянках находились дней пять, а потом нас перевезли в Волчу, где организовали больницу, потому

что Бегомль был весь разбит, и там негде было разместить раненых.

Что могу сказать о партизанах? В партизанах был и мой брат, а отец, когда началась война, пошел в военкомат, но по состоянию здоровья на фронт не попал, работал в Сибири на военном заводе.

Партизаны не были бандитами. Были в лесах бандиты, но они к партизанам не относятся. Всяких людей хватало, а сколько пошло в полицию служить? У нас сосед пошел в полицию, потом приходил и бил брата плеткой, допытывался, где отец. Они думали, что он ушел в партизаны, но мы и сами тогда не знали, где он. А какой староста был в Пустоселье? Верой и правдой служил немцам, как мог притеснял людей.

Побеседовали мы о немцах и партизанах и с Николаем Ивановичем Ставером, который родился и всю жизнь прожил в Бегомле, во время войны, будучи подростком, обслуживал знаменитый партизанский аэродром:

– Горе несли людям не партизаны, а те, кто пошел служить немцам. Это они выда-

Партизаны
бригады «Дубова».
Декабрь 1943 года

вали людей, грабили и убивали. Откуда бы немцы знали, кто есть кто, если бы не предатели. Откуда немцам было знать о евреях, которые жили в отдаленных деревнях? Был и в Бегомле человек, который составил списки евреев, коммунистов, работников исполкома, сельсовета. Он до войны где-то при райисполкоме работал, а во время войны пошел работать к немцам в управу.

А у немцев разговор простой, за всякое нарушение расстрел. Евреев же они расстреливали просто так, ради забавы. Идет человек по улице. Едет машина, и немец прямо из машины стреляет и убивает этого прохожего.

Ни за что могли застрелить любого. Поехали немцы с полицаями на облаву в деревню Рожно. Человек на поле бороновал картошку. Они его схватили, привезли в Бегомль и на столбе возле комендатуры повесили, сказали, что партизан.

И партизаны полицаев не жаловали, как только поймают, так сразу к стенке. А то как же? Война! А на войне что еще с предателями делать? Но партизаны просто так людей не убивали. Хотя, на мой взгляд, были перегибы. Расстреляли двух красноармейцев, которые бежали из плена и не пошли в партизаны. Еще помню, расстреляли девчат, которые у немцев работали.

Немцы же и полицаи не жалели никого – ни малых, ни старых.

Сильно пострадала и наша семья. В один из дней я помогал хоронить женщину, которую немцы убили. Она шла по дороге на Бродок, а они ехали и ее из пулемета застрелили. Похоронили убитую, женщины пошли кашу варить, чтобы помянуть, а я домой пошел. Дошел до огорода и услышал выстрелы. Оказалось, приехали немцы на мотоциклах, а на аэродром в это время приземлился самолет – «кукурузник». Немцы сразу туда завернули. Всех, кто там коров пас, расстреляли, потом направились на Красноармейскую улицу и начали народ убивать, затем – на Почтовой улице. А я сел на огороде в копну соломы и сижу. Видел, как загорелся сарай на Почтовой улице, а из дома выскочил мужчина. Побежал, а прямо на немцев, которые спускались с горки. Они его из автоматов и застрелили. Немцев было трое, длинные как жерди. Идут и гогочут, смешно им, людей убивать в радость. А потом началась стрельба на нашей улице. Мне показалось, что закричали мои младшие братья, как оказалось потом, это немцы их об угол дома били, а мать так застрелили. Потом и дом зажгли. Когда немцы уехали, пошел я к лесу и встретил соседку. Она рассказала, что убили ее мужа и еще многих людей, а сестра моя осталась жива. Они пасли коров, и эта соседка, когда увидела, что едут немцы, крикнула им, чтобы бежали прятаться в лес.

Немцы приказали, чтобы жителей Бегомля никто в соседних деревнях на ночлег не принимал и не кормил, иначе расстрел. Сестра пришла к родственникам, переноче-

вала и ушла, потому что те боялись, вдруг кто донесет.

А если говорить про партизан, то большинство из них были честные, мужественные люди – воевали и погибали. В партизанах были и три моих дяди – два брата отца и мамин брат. Мамин брат погиб во время одного из боев.

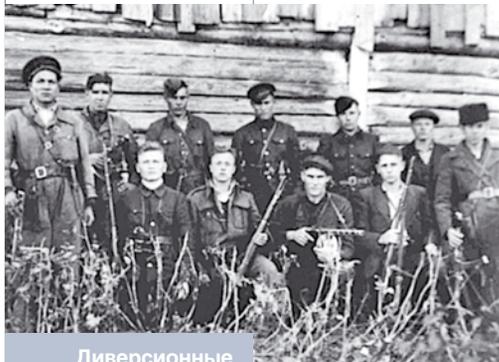
После встреч в Бегомле мы, конечно, не могли не съездить в Небышино. Поговорить с теми, кто помнит военное лихолетье. Как оказалось, в деревне до сих пор живет Михаил Николаевич Бычок. Он до войны окончил 4 класса и хорошо помнит военные годы:

– Все, что написал Копыль про немцев, – это чушь. Он клеветает на партизан. Я старше его и многое помню. Была война, партизаны воевали с немцами и помогали фронту, а население спасалось, как могло. Мой отец тоже партизанил. Воевал в 1-м отряде. Недалеко от деревни за рекой Поня проходил партизанский рубеж, линия окопов, граница партизанской зоны. Здесь партизаны держали бой против немцев.

Мы некоторое время оставались в деревне, а когда началась немецкая блокада партизанской зоны – ушли в лес. Боялись, что нас выдадут немцам как партизанскую семью. Всех бы расстреляли, поэтому и прятались в лесу и по соседним деревням. В деревню приходили посеять огороды, ухаживали за ними. Как немцы появлялись, все прятались.

Одним разом тех, кто не успел убежать, немцы похватали, согнали в сарай и сожгли. Семьдесят пять человек погубили. И женщин, и детей, кого поймали.

Однажды мы пришли в деревню, от которой почти ничего не осталось, и сидели недалеко от реки возле чьей-то бани, которую не сожгли. С нами был и отец Ильи Копыла Филипп. До войны он председательствовал в колхозе, но в партизаны не пошел. Мы с другом направились к зданию полуразрушенной школы. И увидели, что двое немцев сидят на крыше.

Диверсионные группы Аминова и Михайлюка. Бегомльско-Борисовская партизанская зона. Сентябрь 1943 года

ФАКТЫ - ВЕЩЬ УПРЯМАЯ

Мы бросились назад, а взрослые – дед Никифор с Копылом – нас обсмеяли:

– Труссы, чего испугались?

Мы сунулись обратно, а немцы открыли огонь. Мы всей гурьбой перевалились через забор и кубарем скатились к реке, попрятались по кустам.

У меня и до этого был похожий случай, когда я спрятался в реке. Малый был, а сообразил, заполз в траву под берег, одна голова торчала, немцы рядом прошли и не заметили. Только берег обстреляли.

А мою учительницу Нину Семеновну Рутковскую немцы убили в Шуневке. Говорят, когда гитлеровцы окружили деревню, она отстреливалась из пистолета, а потом ее и всех детей бросили в колодец и взорвали, а остальных жителей сожгли в сарае.

Немцы и полицаи сожгли соседнюю деревню Витуничи. Сожгли деревню Осиновик, Новоселки. Много людей побили, там моя тетка и дядька погибли, и брат двоюродный, а еще один брат Шура спасся. Ему немец в голову стрелял из пистолета, но только ухо задел. Он выскочил из хаты и в поле побежал. Потом рассказывал, что ему вслед стреляли, но тоже не попали. Он и до сих пор жив. Война – это большое горе.

Услышав, что речь идет о «записках» Копыла, не смогла сдержать возмущение и жена Михаила Николаевича – Лариса Ивановна Семенкова. Она не местная, родилась и выросла под Мстиславлем, но тоже помнит оккупантов:

– Я читала записки про Небышино, как так можно писать? Я помню, как недалеко от нашей деревни Грозы немцы взяли в плен трех танкистов. И тут же живыми бросили их в колодец. Вот что немцы делали. Если бы эти немцы не пришли с войной, разве мы бы пережили столько горя. Почти в каждой семье погибшие на войне или убитые немцами. Сколько бы людей остались живы и как бы мы сегодня жили, если бы они не пришли и все не разрушили? В чем виноваты наши люди, которые сражались с врагом, с оккупантами?

Мемориальный комплекс на месте деревни Шуневка, сожженной гитлеровцами в 1943 году и не восстановленной

Такие вот получились встречи на докшицкой земле – в Бегомле и Небышино, но хотелось бы добавить к тому, что сказали люди, еще некоторые факты. Сухими их не назовешь, потому что за ними слезы, смерть, страдания и борьба, беспримерная борьба нашего народа.

Думаю, читатели не раз сталкивались с навязываемым определенными кругами мнением, что в Беларуси не было партизан, а были бандиты. Во-первых, называть партизан бандитами приказал своим подручным глава СС Гиммлер в чисто идеологических целях. Во-вторых, сами оккупанты боялись партизан как огня, что говорит о силе партизанского движения. Воевали гитлеровцы против народных мстителей основательно, даже танки и авиацию использовали. В-третьих, первые сведения о партизанах поступили из немецких источников в первые же дни войны. Как это опровергнуть?

Уже 24 июня командование 7-й танковой немецкой дивизии, действовавшей на территории Беларуси, докладывало в вышестоящий штаб о случаях вооруженного нападения на ее тыловые подразделения, в том числе и на раненых военнослужащих.

В сентябре 1941 года начальник штаба сухопутных войск фашистской Германии Кейтель в специальном приказе вынужден был констатировать: «С началом войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение, формы действия варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд». Бандами Кейтель называл партизан.

На совещании высшего руководства Генерального округа «Белоруссия», которое состоялось в Минске 8–10 апреля 1943 года, весьма откровенно высказалась руководитель службы безопасности в Минске оберштурмбанфюрер СС Штраух: «И все же важнейшим направлением деятельности является борьба с партизанами. Нам задают вопрос – почему вы не можете справиться с партизанами? Этот вопрос был задан мне

и в Берлине. Я считаю, что партизанское движение нельзя недооценивать... То, что банды в настоящий момент сильнее нас и наносят ущерб, – это факт».

Показательно и признание командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, который именно в катастрофическом положении на транспорте видел одну из причин поражения своих войск под Москвой. «Русские, разрушив почти все сооружения на главных магистралях и дорогах, – записал он в своем дневнике 7 декабря 1941 года, – смогли так умело увеличить наши транспортные трудности, что фронту не хватает самого необходимого для существования и боев. Боеприпасы, горючее, продовольствие и зимнее обмундирование не поступают из-за катастрофического состояния железнодорожного транспорта и растянутости коммуникаций (до 1500 км), автотранспорт поставлен перед невыполнимыми требованиями. Его эффективность падает. Получается так, что сегодня у нас нет никакой возможности для значительного маневра».

Мне возразят, это результат действий диверсионных групп, заброшенных из Москвы, а не партизан.

В этом тезисе больше лукавства, чем правды. Во многих книгах о партизанах есть разделы «Партизаны и местное население». А что, партизаны не местное население? Давно пора внести ясность в этот вопрос. Партизаны – это и есть народ, который сделал свой выбор. Взял в руки оружие и вступил в открытую борьбу с врагом. Здесь, конечно, речь идет о мужской части населения, а не о детях, женщинах и стариках. Хотя в рядах партизан воевали и дед Талаш, и Марат Казей, и Вера Хоружая.

В подтверждение сказанного добавлю, что «партизаны первого часа» в большинстве своем – местные уроженцы: Василий Корж, Минай Шмырев, Тихон Бумажков, Степан Манкевич, Петр Машеров и многие другие партизанские командиры, которые создавали свои партизанские отряды там, где жили и работали до войны. И создавали их из местного населения и воинов-окруженцев. Или кто-то всерьез может воспринимать утверждение, что все 300 тыс. партизан Беларуси были заброшены на оккупированную территорию из Москвы?

К тому же есть цифры о соотношении местных жителей и воинов-окруженцев в партизанских отрядах. Так, летом 1942 года доля воинов-окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской области составляла 28 %, в Калининской – 50, в Смоленской и Орловской областях – 40–60, в партизанских отрядах Витебской и Могилевской областей Беларуси – до 30 %, в украинских партизанских соединениях – более 50 %.

Высокую оценку боевым действиям партизан дал Верховный Главнокомандующий советских вооруженных сил Сталин, который 1 сентября 1942 года на совещании в Кремле с командирами партизанских отрядов назвал партизанское движение «нашим вторым фронтом».

В годы Великой Отечественной войны на территории нынешнего Докшицкого района фашисты сожгли 97 деревень

Классический пример масштабов действий партизан – операция «Рельсовая война», в результате которой летом – осенью 1943 года было разрушено около 215 тыс. рельсов, что составляло 1342 км одноколейного железнодорожного пути. На некоторых дорогах движение поездов остановилось на 3–5 суток, а магистрали Могилев – Кричев, Полоцк – Двинск, Могилев – Жлобин не работали в течение месяца.

Именно партизанским разведчикам удалось раздобыть основные технические данные танков новых конструкций «Тигр» и «Пантера». В результате появление и ввод в действие их в районе Курской дуги не явилось неожиданностью для советских войск, а потому и не дало гитлеровскому командованию тех преимуществ, на которые оно рассчитывало. И такие факты можно перечислять до бесконечности.

Если же говорить о планах оккупантов, то они тоже известны. Смертный приговор

славянским, «неполноценным» в понимании фюрера, народам он подписал еще в 1940 году, утвердив план «Ост», в соответствии с которым уничтожению подлежало 2/3 населения России, Украины и Беларуси. И дело, как видите, не в партизанах и подпольщиках.

Свидетельства жителей Бегомльщины о том, что любой немец мог запросто застрелить прохожего, полностью соотносятся с историческими данными. Да и почему же не застрелить, если он не нес за это по нацистским законам никакой ответственности?! Прочитируем «Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск»: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок». Особо обратим внимание на дату этого документа – 13 мая 1941 года. Еще нет не то чтобы партизанской войны, даже само нападение Германии на СССР только готовится, а немецкое руководство уже подводит «правовую базу» под расправы над мирным населением.

Вот выдержка из архивного документа «внутреннего пользования» немецкой оккупационной власти, опубликованного в книге «В непокоренном Минске»: «В Минске ежедневно ликвидируется 200 чел. Речь идет о большевистских активистах, агентах, уголовных элементах, азиатах и т. д., которые были выявлены в лагерях для гражданских лиц» (оперативная сводка № 36 от 28 июля 1941 года). Посмотрите на дату – 28 июля 1941 года. Ни злых партизан, ни коварных подпольщиков, а в белорусской столице оккупанты каждый день убивают по 200 человек.

Отдельные историки льют крокодиловы слезы о больших потерях Красной армии и делают вывод – виноваты командиры, которые пытались врага завалить трупами советских солдат. Такие факты были, особенно в первые два года войны, и это мало кто сегодня отрицает. Но если сопоставить

цифры потерь СССР и Германии на фронтах, то они не сильно отличаются. Однако мало кто акцентирует внимание на массовой гибели советских военнопленных в немецком тылу, хотя даже в написанном демократами в 1992 году российском учебнике для 11-го класса «История Отечества» указывается, что гитлеровцами «методично уничтожались советские военнопленные». В итоге из примерно 5 млн. плененных офицеров и красноармейцев в плену выжило около 20 %, в то время как из советского плена домой вернулось 75 % немецких солдат и офицеров.

Известны и другие цифры. Потери населения в Германии в ходе Второй мировой войны составили 9,3 %, СССР – 14 %, а в Беларуси погиб каждый третий.

Президент Вьетнама Нгуен Минь Чьет возлагает цветы к Вечному огню в Мемориальном комплексе «Хатынь». Май 2010 года

Так есть ли противоядие против всего этого исторического беспамьятства? На мой взгляд, на белорусской земле такого противоядия предостаточно. Если кто не был в поселке Красный Берег Жлобинского района, то съездите, там вам работники местного историко-краеведческого музея расскажут, как немецкие врачи брали кровь у белорусских детей. Их подвешивали за руки, делали надрез на ступнях и ждали, пока вся кровь вытечет. И никакого шоколада и губных гармошек!

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Как это ни прискорбно, но немалый вклад в фальсификацию истории Великой Отечественной войны внесли российские историки, которые с конца 80-х годов прошлого века, под видом ликвидации «белых пятен» в этой самой истории,

написали массу трудов, в которых «черное» стало именоваться «белым» и наоборот.

При этом, несмотря на постоянные заявления кремлевского руководства о недопустимости искажения истории Великой Отечественной войны (президент Д. Медведев даже создал специальную комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России), фальсификаторы продолжают свое гнусное дело.

Неоднократно по одному из телеканалов демонстрировался документальный фильм о Сталинградской битве, также нероссийского производства, в котором его создатели очень жалеют немецких солдат, попавших в окружение, сильно страдающих от холода и голода. Одновременно говорится о жестокостях русских, которые издеваются над военнопленными. И никто не задает простой и логичный вопрос: «А как и для чего эти немецкие вояки оказались на берегах Волги?»

Я уже не говорю о некоторых российских художественных фильмах о войне – только «Утомленные солнцем – 2» или «Сволочи» чего стоят.

В то же время резким контрастом на фоне этих киноподелок выступают американские художественные фильмы о войне во Вьетнаме, в которых американские солдаты и офицеры всегда показываются настоящими героями, которые в борьбе с коварным и беспощадным врагом, рискуя жизнью, спасают своих боевых товарищей и защищают интересы США.

И никто давно уже не вспоминает о том, что американцы во Вьетнаме уничтожили около 2,5 млн. человек, большинство из которых мирные жители, или о том, как деревушка Сонгми стала вьетнамской Хатынью.

Видимо, американцы, которые сегодня участвуют в неприкрытой агрессии против народов Афганистана и Ирака, лучше, чем россияне, понимают, к чему ведет поливание грязью собственной истории.

Так для чего это делается? Кто платит за всю эту музыку? Как это ни парадоксально, ответ лежит на поверхности. Те, кто ведет беспощадную борьбу за мировые ресурсы и за собственное процветание. Это люди, которые владеют большей частью богатств

мира и о которых регулярно пишет журнал «Форбс», но они стараются не попадать в объективы теле- и фотокамер. И сегодня история, которая учит народы, как нужно бороться с захватчиками, им ни к чему. Кто сомневается, вспомните, какие учебники издавались не так давно в Беларуси на деньги Сороса. Такие, в которых на роли героев белорусского народа выдвигали тех, кто помогал фашистам в 40-х годах прошло-

Во время церемонии вручения вымпела «За мужнасць і стойкасць у гады Вялікай Айчыннай вайны» городскому поселку Бегомль. Август 2009 года

го века бороться с собственным народом. И ни стратегия, ни тактика у этих «сильных мира сего» не поменялась. Это они называют войну «миротворческой операцией», а «оккупацию» – «восстановлением демократии». Это они не оставляют попыток «украсть у нас Победу», вычеркнуть Россию и страны СНГ из списка победителей во Второй мировой войне, используя для этого и историков, и писателей, и политологов, и политиков. И те, осознанно или не понимая, что творят, помогают оболванить народы. А это отнюдь небезопасное занятие. Уже официально сказано, что СССР – страна-агрессор, уже говорится о том, что пора пересмотреть границы некоторых государств, а там и до силовых вариантов недалеко. Казалось бы, кто-то просто ищет правду истории...

Но это их дело, нам же остается помнить, как сказал патриарх Кирилл: «Если герои живут в народной памяти, тогда сам народ сохраняется». И еще, что у всех народов во все времена защита Отечества – святой долг каждого, а защитники Отечества – герои. И нарушение этого долга превращает народ в манкуртов. И нет страшнее беды.

Герман МОСКАЛЕНКО ▀